№ 2-3. Декабрь 1901-го г.

Государств. Публичная Историческая Библиотека

ЗАРЯ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издается при ближайшемъ участіи

Г. В. ПЛЕХАНОВА, В. И. ЗАСУЛИЧЪ и П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

Цѣна 3 руб.
Preis 6 Mark = 7,50 Francs.

Адресъ для присылки рукописей и денегъ (только изъ заграницы):
J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

Verlag und Druck: J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.) in Stuttgart.

1-й экз.

Оглавленіе.

Стран.

Что же дальше? Г. Плеханова 1
Почему мы не хотимъ идти назадъ? Ортодокса 38
Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. 60
Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова 101
Соціаль-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія. Ю. Невзорова 156
Всегда въ меньшинствѣ. О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи. Л. Мартова 180
Cant противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Г. Плеханова 204
Современная весталка. (Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.) Ст. 226
Гг. „критики“ въ аграрномъ вопросѣ. Н. Ленина 259
Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ 303
Библіографія:
С. Франкъ, Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ. С.-Петербургъ 1900. Г. П. 324
„Революціонная Россія“ изданіе Союза Соціалистовъ-Революціонеровъ № 2. Л. М. 331
„Вѣстникъ Русской Революціи“, соціально-политическое обозрѣніе. Подъ редакціею К. Тарасова. № 1. 1901 г., іюль. Л. М. 334
„Былое“. Историко-революціонный сборникъ № 2, Лондонъ. Л. М. . 343
Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Herausgegeben von Franz Mehring. Г. П. . . 346
„Возрожденіе революціонизма въ Россіи“. Изданіе революціонно-соціалистической группы „Свобода“. — „Свобода“. Журналъ для рабочихъ. Изданіе той-же группы. В. З. 349
„Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія“. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1900. Г. П. 354
Борисъ Чичеринъ. Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на открытыя письма Н. К. Рененкампфа. Второе изданіе. Берлинъ. Изданіе Гуго Штейница. 1901. Г. П. 359
Внутреннее обозрѣніе. Т. Х. 361
Любекскій партейтагъ германской соціаль-демократіи. Ignotus. . . . 404
Обращеніе соціалистическаго международнаго секретаріата. 425

Всегда въ меньшинствѣ.

О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ буржуазномъ обществѣ интеллигенція представляетъ особый соціальный слой со своими групповыми интересами, которые сплошь и рядомъ приходятъ въ столкновеніе съ преходящими интересами правящихъ классовъ буржуазнаго общества въ тотъ или иной историческій моментъ, но которые въ то же время связаны съ интересами этихъ правящихъ классовъ одинаковостью положительнаго отношенія къ той формѣ общественнаго раздѣленія труда, которой характеризируется основанное на классовомъ расчлененіи общество. Въ общемъ и цѣломъ интеллигенція, какъ соціальный слой, обнимающій совокупность представителей такъ называемаго умственнаго труда, самыми тѣсными узами связана съ интересами прогрессивнаго развитія буржуазнаго общества, съ интересами сохраненія его внутренняго порядка и устойчивости. Поэтому, обыкновенно интеллигенція буржуазнаго общества въ своей массѣ стоитъ на сторонѣ тѣхъ политическихъ партій, которыя наиболѣе энергично отстаиваютъ всестороннее послѣдовательное развитіе буржуазнаго общества. Совпадая постольку съ интересами пролетаріата, интересы буржуазной интеллигенціи расходятся съ его интересами въ вопросѣ объ отношеніи къ самому существованію классового строя общества и къ направленной на его уничтоженіе классовой борьбѣ.

Но ходъ развитія капитализма создаетъ такія условія, при которыхъ цѣлостное отношеніе къ классовому строю общества невозможно въ одинаковой мѣрѣ для различныхъ слоевъ интеллигенціи. Создаются объективныя условія, вырывающія глубокую пропасть между извѣстной частью интеллигенціи и правящими и имущими классами и подготовляющія почву для соціальнаго сближенія этой части интеллигенціи съ классами неимущими. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ эти условія могутъ создаваться комбинаціей разнаго рода общественныхъ факторовъ. Въ одномъ случаѣ двужущей силой можетъ явиться созданное гипертрофіей капиталистическаго развитія „перепроизводство интеллигенціи“, фатально выталкивающее часть ея изъ рядовъ буржуазнаго общества и приближающее въ соціальномъ отношеніи къ пролетаріату. Въ другихъ случаяхъ такой движущей силой можетъ быть „соціальная некультурность“ страны, обусловленная совмѣщеніемъ въ данномъ обществѣ элементовъ высоко развитаго экономически капитализма съ пережитками докапиталистической эпохи, создающимъ вокругъ прогрессующаго капитализма своего рода „идейную пустыню“ и задерживающимъ ростъ политическаго и культурнаго прогресса. И въ этихъ случаяхъ интеллигенція, лишаясь возможности цѣликомъ войти въ число полноправныхъ членовъ буржуазнаго общества, выдѣляетъ изъ своей среды цѣлыя группы, которыя экономически и соціально становятся близки неимущимъ классамъ.

Такъ или иначе, но создаются условія, благодаря которымъ извѣстная часть интеллигенціи становится „отщепенцемъ“ буржуазнаго общества. У насъ въ Россіи съ первыхъ шаговъ пореформеннаго развитія извѣстная часть интеллигенціи играетъ роль этого „отщепенца“. И въ силу своего положенія отщепенца это часть интеллигенціи тяготѣетъ къ соціалистическому отрицанію буржуазнаго общества. И если мы говоримъ тутъ о „части интеллигенціи“, то вовсе не имѣемъ въ виду однихъ идеологовъ этого слоя, однихъ только активныхъ борцовъ за „соціально-революціонныя“ программы, однихъ только писателей и мучениковъ политической борьбы. Нѣтъ! за каждымъ такимъ борцомъ съ рѣзко опредѣлившимися идеалами стоитъ рядъ пассивныхъ его „сочувственниковъ“ съ туманными, но въ ту же сторону направленными симпатіями; за каждымъ писателемъ стоитъ сонмъ читателей, воспитываемыхъ его писаніями, но и воспитывающихъ его самого вліяніемъ своей среды; за каждымъ мученикомъ политической борьбы стоитъ болѣе или менѣе густой слой неравнодушныхъ, хотя и молчаливыхъ подчасъ зрителей, соціальную психологію которыхъ въ болѣе или менѣе индивидуализированной формѣ отражаетъ его политическая мысль. Однимъ словомъ, не интеллигенцію, какъ совокупность идеологовъ, имѣемъ мы въ виду, но интеллигенцію, какъ совокупность представителей „умственнаго“ труда; какъ категорію соціально-экономическую, не какъ категорію соціально-психологическую.

Въ силу господствующей въ современномъ обществѣ формы раздѣленія труда интеллигенція является поставщикомъ par excellence идеологовъ писателей и политическихъ вождей большинства общественныхъ партій, соотвѣтственно (не говоримъ объ исключеніяхъ) соціальному сродству той или другой ея части съ тѣмъ или другимъ „производительнымъ“ классомъ. Тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе вопросъ о томъ, какого рода вліянія приноситъ съ собой тотъ интеллигентный слой, который въ данный историческій моментъ проявляетъ тенденцію соединиться съ тѣмъ или другимъ производительнымъ классомъ.

Обращаясь къ широкому слою той соціалистически-настроенной интеллигенціи, которая въ настоящее время составляетъ одну изъ главныхъ враждебныхъ современности общественныхъ силъ, я хочу показать, какія задачи она должна себѣ поставить въ настоящее время для того, чтобы выполнить свой политическій долгъ передъ тѣмъ общественнымъ классомъ, къ движенію котораго она стремится примкнуть. И если я мѣстами противополагаю классовые интересы пролетаріата соціальнымъ интересамъ интеллигенціи, какъ *опредѣленной составной части буржуазнаго общества*, которая, какъ таковая, инстинктивно стремится отстоять свое соціальное положеніе въ лагерѣ привиллегированныхъ, то я тѣмъ самымъ подразумѣваю, что та часть интеллигенціи, которая отщепилась отъ буржуазнаго общества, свои частные интересы интеллектуальнаго работника стремится слить съ общими соціальными интересами пролетаріата. — Надо ли прибавлять, что констатируемая здѣсь противоположность (или несовпаденіе) основныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазной (не соціалистической) интеллигенціи простирается только на область соціальныхъ вопросовъ, основныхъ вопросовъ соціальной борьбы нашего времени и — eo ipso — вопросовъ соціальнаго міровоззрѣнія. Въ области политическихъ злобъ дня интересы пролетаріата и буржуазной интеллигенціи — какъ и всѣхъ нереакціонныхъ слоевъ имущихъ и привиллегированныхъ классовъ — въ настоящее время и на достаточно долгій періодъ будущаго совпадаютъ во многихъ пунктахъ, поскольку общность тяготѣющаго надъ всѣми нами самодержавнаго ига сковываетъ насъ всѣхъ крѣпкими узами солидарности порабощенныхъ противъ поработителей.

И если въ дальнѣйшемъ изложеніи неоднократно подчеркивается необходимость для соціалистической интеллигенціи отдѣлиться, отмежеваться отъ *либерально-буржуазнаго* общества, то авторъ имѣетъ въ виду размежеваніе въ сферѣ соціально-политическихъ *идей*. Но это не значитъ, чтобы онъ рекомендовалъ политическую изоляцію соціалистовъ отъ либеральнаго общества. Такая изоляція — въ виду отмѣченной выше извѣстной общности ближайшихъ политическихъ задачъ — была бы вредна для общаго дѣла борьбы съ абсолютизма. А если такъ, то и индифферентное отношеніе къ ходу развитія всякаго рода оппозиціонныхъ теченій въ этомъ обществѣ было бы со стороны соціалистовъ великой политической ошибкой. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ радикальнѣе, чѣмъ принципіально устойчивѣе сложится либеральная оппозиція въ нашемъ буржуазномъ обществѣ, тѣмъ выгоднѣе для дѣла политической свободы, а, слѣдовательно, и для дѣла соціализма. И если мы — въ виду спеціальныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата — настаиваемъ на *идейной* борьбѣ со всѣми идущими „сверху“ либеральными вліяніями на революціонную среду, то дѣлаемъ это въ непоколебимой увѣренности, что для успѣха дѣла политическаго освобожденія сильная, революціонная и принципіально-устойчивая соціалистическая партія еще болѣе необходимое условіе, чѣмъ сильная, радикальная и устойчивая оппозиціонная партія въ „обществѣ“.

Идейная борьба — разъ она ведется вполнѣ сознательно и открыто — не страшна для того (хотя бы и не формальнаго) союза всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ общественныхъ элементовъ, который является conditio sine qua non для торжества дѣла свободы. Наоборотъ, эта идейная борьба должна привести къ выживанію въ каждомъ лагерѣ элементовъ наиболѣе политически-приспособленныхъ къ данной исторической обстановкѣ, властно требующей комбинированія силъ революціонныхъ и просто оппозиціонныхъ элементовъ для достиженія наибольшаго эффекта въ борьбѣ съ самодержавіемъ. А это значитъ, между прочимъ, что взоръ тѣхъ, кто удрученъ картиной повальнаго безлюдья въ либеральномъ лагерѣ, можетъ съ надеждой обратиться къ образу *будущихъ* мужей, которые вдохнутъ въ русскій либерализмъ новую жизнь и явятъ намъ величавыя фигуры собственныхъ Іоганновъ Якоби и Лафайетовъ тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ съ сокрушеніемъ видѣли однихъ только рыцарей „мирнаго культурнаго развитія“.

I.

1896 годъ былъ по истинѣ весной въ жизни русской соціаль-демократіи. Къ этому времени она начала превращаться изъ небольшой, всѣми игнорируемой секты въ политическую партію. Къ этому времени ею были одержаны главныя теоретическія побѣды надъ многочисленными ея противниками, къ этому времени она успѣла отнять у „общества“ достаточное количество революціонныхъ элементовъ, чтобы направить ихъ въ пролетаріатъ. Эти первые піонеры соціаль-демократической практики успѣли уже пустить корни въ массахъ пролетаріата и первый подъемъ стихійнаго стачечнаго движенія вынесъ ихъ на себѣ, привлекъ къ ихъ работѣ общественное вниманіе и сдѣлалъ ихъ центромъ общественныхъ симпатій всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Но для того, чтобы общество оказалось способнымъ къ воспріятію полученнаго политическаго урока, требовалась предварительная расчистка пути, требовалась долгая борьба со въѣвшимися въ сознаніе либерально-демократической части общества соціально-политическими предразсудками. Эту громадную работу совершила теоретическая критика.

Расшатанное ударами критики традиціонное соціально-политическое міровоззрѣніе быстро стала поддаваться ударамъ жизни. Вмѣстѣ съ ростомъ симпатій къ борющемуся пролетаріату, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ вѣры въ его освобо-

дительную миссію, сознаніе „интеллигенціи“ становилось доступнымъ усвоенію соціаль-демократическихъ теорій во всемъ ихъ объемѣ; марксизмъ, еще недавно мало кому извѣстный и всѣмъ почти чуждый, сталъ модной теоріей.

Никогда еще пролетаріатъ не выступалъ на историческую сцену при болѣе благопріятныхъ симптомахъ. Прежде чѣмъ онъ еще самъ успѣлъ созрѣть исторически, онъ подчинялъ своему идейному вліянію широкіе круги демократіи; его классовая идеологія занимала первое мѣсто по вліянію на активно-оппозиціонные существующему строю элементы. Тщетно бились въ тискахъ пролетарской идеологіи неофиты марксизма, старавшіеся сохранить въ своемъ новомъ положеніи частицу стараго буржуазнаго міровоззрѣнія, тщетно боролись они за право „оплодотворенія“ новой идеологіи нѣкоторыми послѣдними выводами „чистой“, внѣ классовъ стоящей науки. Мощный потокъ классового движенія выбивалъ ихъ изъ межеумочныхъ позицій,*) властно стиралъ съ ихъ духовной физіономіи черты связи съ буржуазнымъ обществомъ и порабощалъ ихъ „критическую“ мысль теоріи революціоннаго пролетаріата. Марксистская литература могущественно воздѣйствовала на радикальную интеллигенцію и значительно расширяла въ ней кругъ лицъ, склонныхъ къ активной или пассивной поддержкѣ рабочаго движенія. Все говорило, повидимому, за то, что русскому пролетаріату суждено въ скоромъ времени сгруппировать вокругъ себя всѣ оппозиціонные элементы и во главѣ ихъ пойти на штурмъ непріятельской крѣпости. . .

Прошло пять лѣтъ, и положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Если движеніе рабочихъ массъ за этотъ періодъ значительно окрѣпло и расширилось, то соціаль-демократія утратила многое изъ того, чѣмъ она уже, повидимому, владѣла.

Послѣ періода постояннаго роста вліянія революціоннаго марксизма на интеллигенцію наступилъ періодъ постепеннаго ослабленія этого вліянія. Если въ 1896 г. къ соціаль-демократіи стало переходить большинство соціально-революціонныхъ элементовъ, покидая старыя программы, то въ наши дни замѣчается возрожденіе и оживленіе этихъ немарксистскихъ фракцій. Если еще нѣсколько лѣтъ назадъ въ легальной литературѣ самая яростная полемика враговъ марксизма обнаруживала только полную безнадежность старыхъ теченій, то теперь мы слышимъ торжествующіе голоса вновь ожившихъ представителей самобытныхъ русскихъ направленій, вѣрующихъ въ наступленіе конца ненавистнаго марксизма. Если недавно все, что стремилось впередъ въ

*) См. эволюцію г-на П. Струве отъ его „Критическихъ Замѣтокъ“ черезъ статьи его въ сборникѣ 1895 года и въ Русск. Мысли 1896 года къ его дѣятельности въ „Нов. Словѣ“.

интеллигенціи, старалось примоститься къ соціаль-демократіи и сознательно или безсознательно усваивало тѣ или иные элементы марксизма, то теперь сплошь и рядомъ даже люди революціонно-настроенные, стремятся такъ или иначе отгородиться отъ поставленной подъ подозрѣніе „ортодоксіи“ и въ той или другой пропорціи отдать данъ модной буржуазной „критикѣ“.

И если пять лѣтъ назадъ марксизмъ въ борьбѣ со всѣми другими разрозненными и обезкураженными фракціями интеллигенціи представлялъ сплоченную, объединенную общностью принциповъ, чувствующую подъ ногами твердую почву и одушевленную убѣжденіемъ революціонную силу, то нынѣ онъ представляется пестрымъ конгломератомъ нестройно выступающихъ идеологическихъ группокъ, часто взаимно враждебныхъ, оставляющихъ безъ отпора удары извнѣ и частью разъѣденныхъ рефлексіей, деморализованныхъ утратой вѣры въ ту теорію, подъ знаменемъ которой онъ одержалъ свои побѣды.

Не только соціаль-демократія утратила значительную долю своего вліянія на массу демократической интеллигенціи, стоящей внѣ ея, но и въ предѣлахъ ея самой явственно замѣчается отступленіе передъ натискомъ противника-идеологическаго радикализма.

Такъ называемая „критика“ марксизма не только овладѣла думами и чувствами той широкой среды, которая ранѣе плелась за революціонно борющейся соціаль-демократіей, но она оказала роковое вліяніе и на послѣднюю, которая пассивнымъ ли отношеніемъ къ ударамъ, направляемымъ на ея символъ вѣры, активнымъ ли заимствованіемъ того или другого положенія „критики“, тамъ и самъ капитулируетъ передъ противникомъ.

Этотъ новый противникъ — взбунтовавшаяся противъ пролетарской идеологіи радикальная интеллигенція — начинаетъ брать реваншъ и, внося смуту и шатаніе мысли въ молодое движеніе, стремится поработить себѣ ту силу, которая такъ недавно еще царила надъ ней самой.

Мы постараемся прослѣдить процессъ развитія нашихъ политическихъ направленій за послѣднее десятилѣтіе и уяснивъ историческое значеніе совершившейся идейной эволюціи, опредѣлить тѣ задачи, которыя возникаютъ отсюда для соціалистической интеллигенціи, безповоротно ставшей на классовую точку зрѣнія пролетаріата.

II.

Возникновеніе русской соціаль-демократіи явилось естественнымъ заключеніемъ процесса развитія революціонной мысли. Сознательно порвавшая со всѣми интересами буржуазнаго общества, русская революціонная интеллигенція

послѣ цѣлаго рода самоотрицаній стала, наконецъ, на реальную почву, когда пріурочила свои революціонныя соціалистическія стремленія къ понятому процессу развитія соціальныхъ отношеній и вызываемой ими борьбѣ классовыхъ интересовъ. Синтезировавъ въ своемъ сознаніи два основныхъ элемента прежней революціонной идеологіи — борьбу за соціальную эманципацію, выдвинутую революціоннымъ народничествомъ, и борьбу за политическое освобожденіе, составившую центръ тяжести программы народовольчества, русская революціонная мысль въ лицѣ соціаль-демократіи окончательно порвала въ принципѣ со всякой зависимостью отъ идеологіи буржуазной интеллигенціи, поскольку и свои соціальныя и подчиненныя имъ политическія требованія поставила въ связь съ интересами класса, объективно противостоящаго всему буржуазному обществу, — пролетаріата. Тѣмъ самымъ піонеры русской соціаль-демократіи становились въ положеніе отщепенцевъ радикально-либеральной интеллигенціи, тѣмъ самымъ кругъ ихъ вліянія — при самомъ развитіи пролетаріата и отсутствіи въ немъ организованныхъ силъ — долженъ былъ оставаться весьма узкимъ. Должно было пройти цѣлое десятилѣтіе ломки всѣхъ общественныхъ отношеній, чтобы соціаль-демократія могла развернуться въ политическую силу. За этотъ періодъ времени политическая мысль русской радикальной интеллигенціи испытывала медленный процессъ измѣненій. Радикальная интеллигенція страдала отъ неразрѣшимаго противорѣчія между унаслѣдованной идеологіей и запросами жизни, требованіями, предъявлявшимися собственными ея соціальными интересами. Экономическіе, культурные и политическіе интересы интеллигенціи требовали коренной ломки патріархальныхъ соціальныхъ отношеній, устраненія всѣхъ пережитковъ крѣпостного права въ гражданскихъ отношеніяхъ, требовали распространенія европейской культуры, активной борьбы съ сословно бюрократическимъ государствомъ. Факторомъ, совершавшимъ разрушительную работу ломки старыхъ отношеній и подготовлявшимъ почву для расцвѣта новыхъ, былъ капитализмъ. Раскалывая неподвижныя массы на взаимно враждебные классы, усиливая темпъ всей общественной жизни, обостряя борьбу за существованіе и тѣмъ самымъ усложняя потребности личности, сосредоточивая общественную жизнь въ городахъ и развивая формы общественности, ускользающія отъ властной опеки бюрократическаго государства, ростъ капитализма сулилъ буржуазной интеллигенціи увеличеніе ея численности, ростъ ея вліянія, повышеніе ея соціальнаго положенія, удовлетвореніе ея культурныхъ запросовъ, созданіе благопріятныхъ условій для борьбы за ея политическіе интересы. А между тѣмъ вся наиболѣе активная и сцособная къ политической борьбѣ часть демократической интеллигенціи находилась въ плѣну у традиціонной идеологіи,

мѣшавшей уяснить связь соціальныхъ отношеній, понять прогрессивное значеніе развитія капитализма и связать интересы политической свободы съ наростающей борьбой классовъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о причинахъ, вызывавшихъ тяготѣніе русской демократической интеллигенціи къ идеологіямъ народническаго типа и о тѣхъ факторахъ, которые обусловили ихъ живучестъ. Ограничимся констатированіемъ факта. Народническіе предразсудки становились для русской демократической интеллигенціи тормазомъ въ дѣлѣ борьбы за политическую свободу, за ея собственные интересы. Несоотвѣтствіе міровоззрѣнія демократической интеллигенціи съ ея собственными соціальными интересами, связанными съ интересами общественнаго развитія, проявилось въ ея безсиліи и безволіи въ теченіи всѣхъ 80-хъ гг. и смутно чувствовалось по мѣрѣ того, какъ рушились всѣ иллюзіи относительно чудотворныхъ свойствъ самобытныхъ устоевъ русской жизни. Но доза соціалистическаго скептицизма ко всякимъ буржуазно-либеральнымъ политическимъ программамъ, которая была привита интеллигенціи революціоннымъ народничествомъ 70-хъ гг., не позволяла ей перешагнуть отъ народнической программы непосредственно къ программѣ „чистаго“ политическаго радикализма, а, полное банкротство этого радикализма на Западѣ окончательно дискредитировало его въ сознаніи политически мыслящей ея части.

На эту то подготовленную почву пала пропаганда марксизма при первыхъ проблескахъ новаго общественнаго возбужденія, вызваннаго событіями 91—92 г. Марксистская критика народническихъ утопій несла извѣрившейся радикальной интеллигенціи вѣру въ реалистическій характеръ ея политическихъ вожделѣній, она исцѣляла ее отъ деморализующаго скептицизма къ прогрессивнымъ явленіямъ общественной жизни, расшатывавшимъ тѣ традиціонные устои народнаго быта, внѣ которыхъ народническая мысль не представляла себѣ возможности охраненія интересовъ трудящейся массы. Марксизмъ освободилъ сознаніе передовой русской интеллигенціи отъ завѣщанной народническимъ утопизмомъ боязни соціальнаго прогресса, онъ позволилъ ей работать на его основѣ, не связывая своихъ рукъ сомнѣніемъ о судьбѣ раззоряемаго этимъ прогрессомъ мелкаго производителя. Прогрессъ экономическій въ концѣ концовъ ведетъ и къ прогрессу соціальному. Разрушая старыя формы кооперації, капитализмъ подготовляетъ почву для новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ, которыя становятся средствомъ борьбы съ созданными капитализмомъ бѣдствіями. Эти положенія критики народничества наша радикальная интеллигенція усвоила гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ остальные элементы той критики, безъ которыхъ первыя еще далеко не составляютъ

всего марксизма. Такимъ образомъ, извѣстная часть радикальной русской интеллигенціи, *отнюдь не разрывая съ классовымъ кругозоромъ своей среды*, въ предѣлахъ этого кругозора, могла производить подъ знаменемъ новаго ученія „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“ традиціоннаго міровоззрѣнія и, выдвинувъ противъ народническаго ученія классовое ученіе пролетаріата, ковала себѣ надежное идейное оружіе для успѣшной борьбы со ставшей реакціонной старой идеологіей.

Подъ знаменемъ марксизма совершилась въ сравнительно-короткое время та идейная борьба въ русскомъ обществѣ, которая навсегда излечила его демократическую часть отъ препятствующихъ общественному прогрессу политическихъ предразсудковъ и, сдѣлавъ ее способной беззавѣтно отстаивать интересы общественнаго развитія, связала въ ея сознаніи эти интересы съ интересами труда. Такимъ образомъ, подъ идейной оболочкой пролетарскаго ученія совершался новый актъ старой борьбы плебейской интеллигенціи противъ сословно-бюрократическаго общества.

Идеологія, выработанная классовой борьбой пролетаріата на Западѣ, послуживъ одеждой для иного общественнаго слоя, неизбѣжно измѣнила нѣсколько свой видъ. Тѣ же элементы опредѣлили ея содержаніе, но они были, такъ сказать, иначе размѣщены: классовая борьба противъ всего буржуазнаго общества съ ея конечной цѣлью — соціальной революціей — отступила на безконечно-далекій планъ, вышла, если употребить выраженіе г-на Струве, изъ поля зрѣнія интеллигенціи, все же поле зрѣнія было занято борьбой за прогрессъ буржуазнаго общества, сопровождаемой борьбой класса наемныхъ рабочихъ съ непосредственными ихъ эксплуататорами и съ государствомъ за ближайшія реформы.

И тѣмъ не менѣе, при всемъ этомъ искаженіи классовой теоріи самый фактъ выступленія русской демократіи подъ ея знаменемъ означалъ уже крупную побѣду пролетаріата. За классовой борьбой плебейской интеллигенціи съ сословно-бюрократическимъ обществомъ таилась классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей; окрашивая *своей* идеологіей общую демократическую борьбу, пролетаріатъ пріобрѣлъ отнынѣ огромное вліяніе на весь ходъ этой послѣдней, пріучая демократію съ самаго начала видѣть въ немъ главный оплотъ борьбы за свободу, властно вовлекая въ свой лагерь наиболѣе революціонные элементы демократіи и разъ навсегда дѣлая невозможнымъ союзъ демократіи съ буржуазіей въ цѣломъ рядѣ вопросовъ соціальной и политической реформы. Подобно тому, какъ въ семидесятые годы демократическая идея настолько тѣсно связалась съ идеей *крестьянскаго* соціализма, что сдѣлала невозможнымъ для своихъ адептовъ при переходѣ въ ряды буржуазіи сохранить хотя-бы тѣнь демократической революціонности, — такъ точно и нынѣ демократическая идея такъ тѣсно сплелась съ классовой борьбой пролетаріата, что всякая попытка перейти открыто въ лагерь буржуазнаго общества связана для нашихъ „марксистообразныхъ“ съ ослабленіемъ самаго демократизма, съ потерей всякой революціонной силы.

III.

Но чѣмъ крѣпче была эта зависимость общедемократической борьбы отъ классовой борьбы пролетаріата, тѣмъ рѣзче должно было проявиться возмущеніе демократической интеллигенціи противъ ярма пролетарской идеологіи, какъ только наступила пора размежеванія между союзниками. Эта пора наступила скоро. Какъ только сковывавшая борцовъ за общественное развитіе народническая идеологія была разбита на голову, тотчасъ же обнаружилось несоотвѣтствіе для главной арміи борющихся той идеологіи, подъ знаменемъ которой происходила борьба, съ тѣми интересами, которымъ эта борьба служила ближайшимъ образомъ. Едва только замолкъ шумъ борьбы между марксизмомъ и народничествомъ, какъ появились первыя ласточки борьбы противъ самаго марксизма со стороны его вчерашнихъ партизановъ. Насталъ періодъ „критики марксизма“, переживаемый нами до сихъ поръ. Устранивъ соціально-реакціоннаго противника, мѣшавшаго ей беззавѣтно работать надъ дѣломъ общественнаго прогресса, увлеченная марксизмомъ интеллигенція тотчасъ же ощутила потребность отдѣлаться отъ тѣхъ основныхъ элементовъ новаго ученія, которые не вмѣщаются въ рамки ея собственныхъ соціальныхъ интересовъ и тѣмъ самымъ стоятъ поперекъ дѣлу объединенія всей демократической интеллигенціи, отпугивая своимъ соціально-революціоннымъ характеромъ болѣе солидную часть общества. Марксизмъ понадобилось исправить и дополнить, подвергнуть „критическому пересмотру“, чтобы сдѣлать его по нѣмецкому выраженію, salonfähig, годнымъ къ обращенію въ салонахъ. Такъ начался походъ критики противъ ортодоксіи, этотъ бунтъ радикально-демократической интеллигенціи противъ добровольно — въ интересахъ борьбы съ реакціей — наложеннаго ею на себя ярма пролетарской идеологіи.

Каждой идеологіи свойственно стремленіе къ безграничному расширенію своего духовнаго вліянія далеко за предѣлы того класса, боевымъ орудіемъ которому она служитъ. Въ борьбѣ съ нѣкогда плѣнившей ее „ортодоксіей“ интеллигенція сразу перешла въ наступленіе и поставила себѣ задачей полное уничтоженіе своего идейнаго противника, сдачу революціоннаго марксизма въ архивъ „романтическихъ утопій“. Болѣе умѣренные, впрочемъ, готовы предоставить ортодоксіи безвозбранное господство въ сферѣ „чисто рабочаго движенія“ подъ условіемъ не совать своего носа въ дѣла

„общества“ т. е. тянуть въ обще-политическихъ дѣлахъ страны общую демократическую ноту и не посягать полемикой на новый кумиръ демократической интеллигенціи — марксистскій критицизмъ или критическій марксизмъ. Подъ этимъ условіемъ революціонной соціаль-демократіи предоставляется культивировать среди пролетаріата тѣ идеи, которыя въ томъ обществѣ признаны „безсмысленными мечтаніями“.

Радикальная интеллигенція готова признать (временно!) право на существованіе за извѣстными революціонными „иллюзіями“, поскольку въ данный моментъ ихъ обаяніе ускоряетъ процессъ вовлеченія народныхъ массъ въ общеполитическую борьбу за конституцію, она не прочь пока допустить культивированіе столь непріятной ей „революціонной фразы“, такъ какъ ея классовой инстинктъ подсказалъ ей, что въ данный моментъ при извѣстныхъ условіяхъ эта фраза сможетъ претвориться въ революціонное дѣло только въ сферѣ отношеній народа къ государству, не затрагивая коренныхъ устоевъ буржуазнаго общества. Но за то радикальная интеллигенція, ставшая „подъ знакъ критики“, тѣмъ безпощаднѣе травитъ революціонную соціаль-демократію, когда послѣдняя пытается выйти изъ отмежеваннаго ей подполья пролетарской пропаганды, когда она вторгается въ заказанную ей область вліянія на „культурное общество“, когда она начинаетъ работать надъ закрѣпленіемъ и усиленіемъ идейной гегемоніи пролетаріата надъ политическимъ мышленіемъ всей демократіи, иначе говоря, когда ея презрѣнная „революціонная фраза“ становится революціоннымъ дѣломъ борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, въ данный моментъ неизбѣжно съуженной рамками борьбы за подчиненіе всѣхъ революціонно настроенныхъ элементовъ классовымъ интересамъ революціоннаго пролетаріата.*) Подъ оболочкой борьбы критики и ортодоксіи впервые совершается въ Россіи въ чистомъ видѣ борьба за политическую гегемонію между пролетаріатомъ и буржуазной демократіей, доселѣ скрытая въ общей борьбѣ демо-

*) Отсюда — непопулярность всякой принципіальной полемики. Сторонники того самаго направленія, которое съ такимъ шумомъ и трескомъ выступило на путь полемики съ „ортодоксіей“, глубоко и, повидимому, искренно возмущаются всякимъ отпоромъ со стороны „ортодоксіи“, усматривая въ полемикѣ „не своевременное“ дѣло, уклоненіе отъ борьбы съ общимъ врагомъ. Происходитъ комическое повтореніе того, что происходило лѣтъ 5—6 назадъ, когда гг. народники, открывъ походъ противъ „соціаль-демократической опасности“, черезъ короткое время стали вопить о полемической невоздержности марксистовъ, объ ихъ нежеланіи забыть „теоретическія“ разногласія и идти противъ общаго врага. Какъ тогда, говорили о „травлѣ“ народничества тѣ самые люди, которые травили марксизмъ въ ту пору, когда онъ не могъ литературно высказаться, такъ и теперь заговорили о травлѣ „критики“, съ того времени, когда „ортодоксіи“ былъ закрытъ доступъ на страницы легальныхъ журналовъ. Медвѣдь кожу деретъ, да самъ же и реветъ — позиція, правда, не очень благородная, но небезвыгодная для уловленія простецовъ!

кратическихъ стремленій съ реакціонно народническими. Въ возстаніи буржуазной интеллигенціи противъ ига пролетарской, соціаль-демократической идеологіи мы видимъ скрытую подъ идейной оболочкой классовую борьбу передовой части буржуазнаго общества противъ революціоннаго пролетаріата. А потому борьба революціонной соціаль-демократіи съ критическимъ марксизмомъ является первымъ шагомъ классовой борьбы пролетаріата противъ буржуазнаго общества въ его цѣломъ, борьба, которая въ области матерьяльной станетъ возможна лишь „на другой день послѣ революціи“, лишь послѣ того, какъ буржуазное общество освободится отъ ярма азіатскаго государства, борьбы, которая неизбѣжно должна концентрироваться нынѣ въ сферѣ борьбы идей, но которая отъ того не становится менѣе реальнымъ дѣломъ. Каково же общественное значеніе этой разгорающейся борьбы? Для буржуазной интеллигенціи ея возстаніе противъ „ортодоксіи“ представляется шагомъ впередъ по пути прогресса: его ближайшей цѣлью является освобожденіе радикализма отъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ соціально-политическаго міровоззрѣнія, которые мѣшаютъ усвоенію этого міровоззрѣнія всей массой буржуазнаго общества, стоя такимъ образовъ на пути сплоченія всего этого общества въ политическую силу. Съ этой точки зрѣнія марксистская „ортодоксія“, которая все еще держитъ въ своей власти извѣстную часть революціонной интеллигенціи, представляется мѣшающей необходимому для прогресса дѣлу объединенія всей интеллигенціи.*) Но для тѣхъ, кто свои надежды на политическій прогрессъ Россіи пріурочиваетъ не къ обществу, а главнымъ образомъ къ пролетаріату, значеніе этой борьбы представится въ другомъ свѣтѣ. Для нихъ сплоченіе пролетаріата въ революціонную политическую силу, способную вести за собой другія силы, враждебныя царизму, немыслимо внѣ классовой борьбы пролетаріата, борьбы, которая не можетъ развиться иначе, какъ подъ флагомъ революціонной соціаль-демократіи. Съ этой точки зрѣнія аттака „критической“ интеллигенціи на марк-

*) Поэтому эпигоны стараго „народовольчества“, которые воспитались на стремленіяхъ „объединительнаго“ характера, правы съ своей точки зрѣнія, когда любезно „подмигиваютъ“ нашимъ „критикамъ“. Если же они при этомъ порой сокрушаются по поводу того обстоятельства, что „критическая струя“ сопровождается ослабленіемъ революціонизма, то это сокрушеніе хотя и дѣлаетъ честь ихъ революціонной добродѣтели, но только лишній разъ подтверждаетъ ихъ трогательную невинность по части политическаго мышленія. Попытка совмѣстить революціонность, присущую „ортодоксіи“, съ широтой размаха „критики“ и съ отрицаніемъ „абстрактной доктрины“ марксизма принадлежитъ къ числу самыхъ безнадежныхъ экспериментовъ по рецепту Гоголевской невѣсты Агаѳьи Тихоновны. „Полюби меня черненькимъ, а бѣленькимъ меня всякій полюбитъ“ можетъ отвѣтить этимъ доброжелательнымъ совѣтчикамъ революціонный соціализмъ, который, впрочемъ, всего менѣе заботится о томъ, чтобы его „полюбилъ“ всякій.

систскую ортодоксію представляется дѣломъ, враждебнымъ интересамъ революціи, такъ какъ она привела бы въ случаѣ успѣха къ отвлеченію части революціонныхъ силъ отъ пролетаріата, къ развращенію и ослабленію его политической борьбы, къ потерѣ имъ гегемоніи въ дѣлѣ общенародной борьбы съ царизмомъ, которая только при наличности этой гегемоніи сможетъ привести къ революціонному низверженію царизма и къ установленію на его развалинахъ свободной демократіи.

Еще болѣе реакціонной представляется анти-марксистская пропаганда, если ее оцѣнивать съ точки зрѣнія тѣхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, для которыхъ интересы политическаго освобожденія являются только моментомъ, подчиненнымъ великой основной цѣли движенія. Всякое оттѣсненіе пролетаріата на второй планъ въ политической борьбѣ, всякое ослабленіе вліянія революціонной соціаль-демократіи означаетъ затрудненіе дѣла борьбы за его соціальное освобожденіе. А вторженіе въ соціалистическое сознаніе элементовъ извѣстной „критики“ уже отразилось измельчаніемъ, опошленіемъ пролетарской борьбы, ослабленіемъ ея классоваго, соціалистическаго характера.*)

Такимъ образомъ борьба противъ „критики марксизма“ является въ данный моментъ важной задачей идеологовъ пролетаріата; тѣмъ болѣе важной, что, возникши подъ флагомъ марксизма, эта критика, а въ ея лицѣ радикальная русская интеллигенція, успѣла внести въ самое наше движеніе чуждые ему элементы, подготовляя его подчиненіе ограниченнымъ цѣлямъ демократической интеллигенціи. Русская соціаль-демократія въ силу причинъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, допустила развитіе въ своей средѣ элементовъ, налагающихъ на все движеніе печать зависимости отъ идей и интересовъ радикальной части „общества“. Въ чемъ же проявляется въ нашемъ движеніи вліяніе несоотвѣтствующихъ классовымъ интересамъ пролетаріата идей

*) Дѣйствительно рабочая партія въ европейскомъ смыслѣ, охватывающая всю борющуюся часть пролетаріата, можетъ быть организована только при условіи политической свободы. Задача русской соціаль-демократіи, какъ зародыша этой будущей партіи, воспитать и организовать всѣ пригодные элементы ея. А эта задача включаетъ въ себя прежде всего развитіе *соціалистическаго* сознанія въ возможно широкихъ слояхъ рабочаго класса. Никакія злобы дня экономической или политической борьбы не должны отвлекать насъ отъ этого дѣла соціалистическаго воспитанія. Точно также и организаціонная работа партіи должна быть подчинена этой задачѣ подготовленія кадровъ соціалистической арміи будущаго. — Этого-то не могутъ понять ни Кричевскій и Мартыновъ, (Раб. Дѣло № 10), ни А. Галинъ изъ „Наканунѣ“ (Сент. 1901 г.), когда выражаютъ негодующее изумленіе по поводу того, что представители „ортодоксальной“ соціаль-демократіи не отдались беззавѣтно отраднымъ впечатлѣніямъ мартовскихъ дней и не поспѣшили привѣтствовать „историческаго поворота“, продѣланнаго въ ту пору органомъ соціалистичекой постепеновщины.

и интересовъ радикальной интеллигенціи? Прежде всего въ томъ явленіи, которое принято называть экономизмомъ, или профессіонализмомъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ попытки лишить рабочее движеніе политическаго характера могутъ соотвѣтствовать интересамъ радикальной интеллигенціи, для которой насущнѣйшей задачей является политическая свобода и которая стремится къ объединенію всѣхъ, готовыхъ бороться съ царизмомъ. И тѣмъ не менѣе несомнѣнный фактъ, что симпатіи большей части радикальной интеллигенціи были еще очень недавно на сторонѣ тѣхъ теченій въ соціаль-демократіи, которыя или отстаиваютъ „экономизмъ“, или защищаютъ его относительную законность отъ нападокъ „ортодоксіи“. Странность этого явленія исчезнетъ, если ключъ къ его пониманію поискать въ одномъ документѣ, дающемъ почти циническое объясненіе вожделѣніямъ противниковъ „ортодоксіи“. Я говорю объ извѣстномъ credo. Въ этомъ документѣ задача образованія въ Россіи политической рабочей партіи признается абсурдомъ, и люди, работающіе надъ этимъ нереальнымъ дѣломъ, обличаются въ томъ, что занятые неосуществимой задачей, становятся неспособны войти въ ряды дѣйствительныхъ, а не воображаемыхъ только борцовъ за свободу — въ ряды „либерально-оппозиціоннаго общества“. Въ виду этого предлагается соціаль-демократамъ среди рабочихъ заниматься организаціей „экономической“ борьбы, политическую же борьбу вести въ рядахъ „либерально-оппозиціоннаго общества“, т. е. подъ тѣмъ знаменемъ, которое только и можетъ выдвинуть это общество — подъ знаменемъ политической *реформы*.

Можетъ показаться непонятнымъ съ точки зрѣнія либерала (а такова точка зрѣнія автора „credo“) это отстраненіе рабочей массы отъ активной борьбы за свободу. Однако, оно подсказывается вѣрнымъ инстинктомъ. Обратите вниманіе на послѣднія событія и вы увидите, какой результатъ получился бы въ случаѣ усвоенія нами программы „credo“. Несмотря на значительное преобладаніе въ нашемъ движеніи чисто-экономической борьбы, рабочій классъ съигралъ свою роль въ дѣлѣ борьбы съ современнымъ режимомъ, когда этого потребовали обстоятельства. При современныхъ условіяхъ каждая стихійная даже стачка, каждые „безпорядки“ являются факторомъ ослабленія политической силы царизма. Выступая на борьбу съ нимъ, радикальная часть общества желала бы, чтобы рабочій классъ въ тоже время подкапывалъ основы существующаго порядка, дезорганизовалъ бы его, отвлекая своими „безпорядками“ силы правительства отъ борьбы съ активными политическими врагами, т. е. „обществомъ“. При такомъ условіи рабочій классъ съигралъ бы какъ разъ ту роль, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ поли-

тическимъ интересамъ „общества“. При такомъ условіи классовая борьба пролетаріата, втиснутая въ рамки экономической борьбы съ его непосредственными эксплуататорами, не приходила бы въ столкновеніе съ политическими стремленіями свободомыслящей интеллигенціи, такъ какъ пролетаріатъ не выдвигалъ бы *своей политической программы*, своихъ особыхъ формъ политической борьбы. Иначе говоря, общество готово помириться и даже признать полезность рабочаго движенія, какъ силы, подкапывающей царизмъ, усиливающей недовольство противъ него и способной въ извѣстные моменты съиграть роль вспомогательнаго политическаго фактора, пушечнаго мяса въ политической борьбѣ. Но идеологи того же „общества“ возстанутъ противъ стремленій пролетаріата организоваться въ особую политическую силу, дѣйствующую во имя своей собственной политической программы и противопоставляющую эту программу другимъ политическимъ программамъ прогрессивныхъ партій. Общество признаетъ за пролетаріатомъ право идти въ хвостѣ *его* политическаго движенія, но оно категорически отрицаетъ — въ силу противоположности его классовыхъ интересовъ — право пролетаріата на политическую гегемонію. И послѣднія событія въ Россіи показали, что воспитанный на „чисто-экономичекой“ борьбѣ пролетаріатъ пригоденъ какъ разъ къ роли такого хвоста и только хвоста.*)

*) Многіе коллеги были, повидимому, весьма восхищены тѣмъ фактомъ, что во время февральскихъ и мартовскихъ демонстрацій выкидывалось красное знамя. Они, повидимому, усмотрѣли въ этомъ оффиціальное признаніе политической гегемоніи русскаго пролетаріата. Однако, все это ликованіе навѣяно „чарованьемъ красныхъ вымысловъ“. Красное полотно, на которомъ начертаны слова: „долой временныя правила“, есть все что угодно, но не красное знамя пролетаріата. Если пролетаріатъ своимъ участіемъ въ демонстраціяхъ придалъ имъ характеръ внушительнаго народнаго протеста, то онъ — благодаря прежде всего нашей неорганизованности — не внесъ въ *положительное содержаніе* этого движенія чего либо болѣе широкаго, по сравненію съ тѣмъ, что было ему придано интеллигенціей.

Мы, конечно, далеки отъ мысли отрицать громадное значеніе того, что произошло въ февралѣ и мартѣ. Но переоцѣнивать все таки не слѣдуетъ. Товарищи, которые по поводу весеннихъ событій сразу увѣровали, что пролетаріатъ „созрѣлъ“ для выполненія своей исторической миссіи — можно сказать, вчера еще были увѣрены, что ему еще далеко до зрѣлости и что дозрѣвать ему надо очень-очень долго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что навѣянныя мартовскими днями иллюзіи скоро разсѣятся, и мы опять услышимъ: „онъ и не думалъ созрѣвать“. За фантастическимъ переоцѣниваніемъ послѣдуетъ трезвенное недооцѣниваніе, за „революціоннымъ“ пароксизмомъ оппортюнистическій маразмъ.

Еслибъ мы разъ навсегда отреклись отъ надежды на пріобрѣтеніе русскимъ пролетаріатомъ роли авангарда въ политической борьбѣ, мы обязаны были бы мириться съ ролью „хвоста“ для него. Но пока еще не поздно, мы должны всѣ силы приложить къ тому, чтобы въ каждое общенародное движеніе протеста пролетаріатъ вносилъ *свою* ноту, какъ элементъ наиболѣе демократическій и революціонный. Только стремясь къ этому, мы работаемъ, какъ соціаль-демократы; не дѣлая этого, мы остаемся просто демократами.

Вотъ почему не слѣдуетъ дѣлать ошибочныхъ выводовъ изъ того факта, что борцы противъ „ортодоксіи“ являются у насъ зачастую въ роли представителей „чисто рабочаго“ движенія, рѣзко противопоставляемаго политическимъ стремленіямъ соціалистической интеллигенціи. Эти люди проявляютъ только незрѣлый классовый инстинктъ, который въ силу своей незрѣлости дѣлаетъ ихъ фактически пособниками интеллигенціи, только не соціалистической, а буржуазной. Борясь противъ политиковъ-соціалистовъ, они фактически не могутъ (и слава богу, что не могутъ) помѣшать тому процессу, который въ нашихъ условіяхъ превращаетъ всякую ультра-экономическую борьбу въ фактъ политической борьбы противъ царизма и который въ извѣстный моментъ бросаетъ самымъ тщательнымъ образомъ воспитанную вдали отъ политики массу на арену общедемократической политической борьбы. Но они за то достигаютъ того, что въ такіе моменты эта масса является готовою бороться противъ самодержавнаго режима, но неспособной въ этой борьбѣ отстоять свои классовые интересы въ виду организованной и сознательной силы союзныхъ съ ней классовъ. И если-бы наше движеніе шло въ томъ духѣ, который ему стараются придать „экономисты“, оно въ извѣстный моментъ заготовило бы изъ пролетаріата превосходное пушечное мясо для такого политическаго переворота, воспользоваться которымъ могло бы только одно „общество“. Удивительно ли, что всѣ проницательные представители буржуазной струи въ нашей радикальной оппозиціи, всѣ эти враги революціонной маркистской „ортодоксіи“ если не прямо защищаютъ „экономизмъ“ въ его крайнихъ проявленіяхъ, то чрезвычайно негодуютъ противъ энергичной борьбы съ нимъ и доставляютъ ему теоретическую опору яростной „критикой“ нашего „утопизма“! — Въ исторіи Запада такъ называемое „чисто рабочее“ движеніе съ его антагонизмомъ къ „политикамъ“ и идеологамъ сплошь и рядомъ на практикѣ являлось наилучшей опорой той буржуазной демократіи, которая стремилась политически поработить пролетаріатъ, чтобы политически его эксплуатировать. Возьмемъ 60-ые годы въ Германіи. Прогрессистская партія въ борьбѣ съ феодалами и абсолютизмомъ отряжаетъ Шульце-Делича въ рабочую среду для того, чтобы развить въ ней „чисто экономическое“ движеніе „самопомощи и взаимопомощи“, какъ выразился-бы авторъ „письма въ редакцію“, помѣщеннаго въ № 10 „Рабочей Мысли“. Шульце-Деличъ учитъ, что соціальное освобожденіе рабочихъ должно быть достигнуто внѣ классовой политической борьбы и въ то же время прогрессистская партія стремится пользоваться рабочими массами для поддержки своего собственнаго политическаго движенія. Нигдѣ рѣзче не проявляется анти-интеллигентное теченіе, какъ въ тѣхъ старыхъ англійскихъ трэд-

юніонахъ, которые, съуживая свою дѣятельность, какъ рабочихъ организацій, экономической борьбой, въ области политики слѣпо идутъ за буржуазными партіями. Во Франціи въ 80-ыхъ годахъ революціонному соціализму „политиковъ"-интеллигентовъ былъ противопоставленъ сначала „кооперативизмъ" Жоффрена, потомъ „практическій" поссибилизмъ съ ихъ „чисто рабочимъ" характеромъ и борьбой противъ идеологовъ, причемъ то и другое движеніе въ области политики плелось въ хвостѣ буржуазнаго радикализма. Изъ этого видно, что суть споровъ, волнующихъ нынѣ наше движеніе, нельзя сводить просто къ борьбѣ „экономическаго" и „политическаго" направленій. Вопросъ затронутъ болѣе глубокій — вопросъ о томъ, какую политическую роль должна на себя взять рабочая партія — роль ли слѣпого орудія и пассивнаго агента общедемократической борьбы или роль самостоятельной силы въ этой борьбѣ.*) А этотъ вопросъ сводится къ основному вопросу о томъ, долженъ ли рабочій классъ организоваться въ самостоятельную силу только по отношенію къ непосредственно противостоящимъ ему капиталистамъ и *данному* правительству или же по отношенію ко всему буржуазному обществу въ его цѣломъ, включая самыя радикальныя его фракціи, которыя онъ можетъ и долженъ поддерживать въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, но которымъ онъ всегда противостоитъ какъ особая политическая сила со *своей* политической программой, съ *своими* пріемами борьбы, съ *своимъ* соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ.

Вотъ почему нелѣпо обличать въ „сектантствѣ" тѣхъ, кто, не довольствуясь однимъ фактомъ почти общаго согласія всѣхъ соціалистовъ въ вопросѣ о необходимости „политики", не считаетъ возможнымъ признать вполнѣ своими людей не понимающихъ политическихъ задачъ пролетаріата такъ, какъ онѣ очерчены выше. Если сектанты тѣ, кто ни на минуту не забываетъ за ближайшими задачами дня великихъ цѣлей пролетарскаго движенія въ его цѣломъ, тѣ, кто не довольствуясь интересами борьбы за устраненіе нашего ближайшаго врага — самодержавія, *уже теперь* ни на минуту не упускаетъ изъ вида основной борьбы пролетаріата со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, если это такъ — то мы охотно причислимъ себя къ этимъ „сектантамъ".**)

*) Тотъ же самый вопросъ составляетъ *объективно* основаніе нашихъ организаціонныхъ разногласій. Каждый программный оттѣнокъ въ нашемъ движеніи приходитъ къ особому организаціонному плану. Для представителей нашего „экономическаго" и полуэкономическаго направленій и даже для многихъ принципіально расходящихся съ ними товарищей даже не существуетъ тѣхъ организаціонныхъ вопросовъ, которые для представителей „ортодоксіи" самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ основными задачами русской соціаль-демократіи.

**) Революціонный марксизмъ самъ развился въ борьбѣ съ старымъ соціалистическимъ сектантствомъ (самое названіе, кажется, впервые применено Марксомъ). Въ настоящее время онъ самъ состоитъ подъ обвиненіемъ въ „сектантствѣ" у тѣхъ самыхъ людей, которыхъ теорія — если въ нее пристально вглядѣться — представляетъ ничто иное, какъ эклектическую смѣсь обрывковъ ученій отдѣльныхъ сектъ.

Ничѣмъ, быть можетъ, болѣе рельефно не выразилось вліяніе „критики" въ нашихъ рядахъ, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что соціаль-демократическая литература стала повторять буржуазныя обвиненія марксистовъ въ сектантствѣ. Признакомъ хорошаго тона становится нынче свобода отъ „сектантства", то есть отъ того, что слыветъ подъ этимъ именемъ у буржуазныхъ критиковъ и что составляетъ неотъемлемую часть революціонно-соціалистическаго міровоззрѣнія. Еслибъ товарищъ Мартыновъ хоть сколько нибудь понималъ, что скрывается въ наши дни подъ борьбой противъ „сектантства", онъ не спѣшилъ бы оказать медвѣжью услугу своей организаціи выдачей ей аттестата въ свободѣ отъ соціалистическихъ принциповъ.... то бишь отъ сектантства (см. Мартыновъ, Очередный вопросъ въ № 9 „Рабочаго Дѣла").

Не однимъ только „экономизмомъ" наградила насъ „критика". Она помогла внесенію въ наше движеніе, поскольку оно является политическимъ, политической точки зрѣнія русскаго „общества". Русскіе соціалисты прошлаго времени, разъ ставши на путь политической борьбы, поставили ея первой цѣлью революціонное сверженіе самодержавія и замѣну его демократіей. Напротивъ, политическое мышленіе несоціалистической интеллигенціи никогда не шло далѣе проектовъ реформъ, имѣвшихъ задачей постепенное „органическое" преобразованіе существующаго политическаго строя въ строй конституціонный. Однимъ изъ первыхъ признаковъ подпаденія русской рабочей партіи подъ вліяніе буржуазнаго радикализма была борьба съ якобы „народовольческой" программой сверженія самодержавія и замѣна ея программой постепеннаго развитія самодержавія въ демократію, или, какъ выразилась одна польская соціалистическая газета, программа обрученія царизма съ политической свободой.

Вообще русская соціаль-демократія за послѣднее время заимствовала у русской буржуазной демократіи и свойственное всякимъ буржуазнымъ реформаторамъ специфически мѣщанское пониманіе реализма въ области политики. Революціонный реализмъ соціаль-демократіи означаетъ отрицаніе утопическихъ задачъ, противорѣчащихъ ходу общественнаго развитія. Буржуазная демократія черезъ посредство „критическаго" марксизма привила нашей партіи оппортунистическое пониманіе реализма въ политическомъ и соціальномъ движеніи, сведя его къ отрицанію законности всѣхъ требованій, идущихъ далѣе сознанія широкихъ народныхъ массъ въ данное время.

Наконецъ вліяніе буржуазной идеологіи на наше движеніе отразилось внесеніемъ въ него того „практицизма", который проявляется въ отрицаніи значенія теоріи въ борьбѣ пролетаріата. Для тѣхъ, кто представляетъ себѣ пролетарскую борьбу, какъ борьбу со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, а, слѣдовательно, и какъ борьбу съ его міровоззрѣніемъ, для

нихъ необходимость для пролетаріата имѣть свою теорію, разрабатывать ее и отстаивать въ идеологической борьбѣ съ буржуазными теоріями не можетъ подлежать сомнѣнію и обратно — борьба противъ теоріи въ соціаль-демократіи есть вѣрнѣйшій признакъ отказа рабочей партіи отъ самостоятельной позиціи, непримиримо враждебной всему буржуазному обществу въ цѣломъ. Ни англійскій трад-юніонизмъ, ни французскій поссибилизмъ не создалъ своей теоріи. Этотъ отказъ отъ теоріи есть первый шагъ по пути идейнаго подчиненія рабочаго движенія гегемоніи буржуазной демократіи. Въ то самое время, когда буржуазно-демократическая литература изгоняла со своихъ столбцовъ ортодоксію во имя критики, эта ортодоксія торжественно изгонялась со столбцовъ нелегальной печати во славу запросовъ „практики“. А явившійся въ результатѣ удаленія теоріи упадокъ теоретическихъ интересовъ въ рядахъ молодыхъ борцовъ нашего движенія сдѣлалъ его беззащитнымъ отъ воздѣйствія буржуазной „критики“, сдѣлалъ его неустойчивымъ принципіально, зачастую безъидейнымъ и всегда готовымъ къ внезапнымъ сальто морталемъ по случаю любого „историческаго поворота“. Этотъ упадокъ теоретическихъ интересовъ привелъ къ разрыву въ сознаніи революціонной интеллигенціи связи между практической стороной рабочаго движенія и его идеальными цѣлями. И эти идеальныя цѣли, выгнанныя „реализмомъ“ въ дверь, возвращается въ окно, какъ рѣзко противостоящія практическому движенію, возвращаются въ видѣ самостоятельнаго „этическаго“ момента, имѣющаго дополнить „узость“ классоваго движенія. Этимъ самымъ революціонная интеллигенція, отвергая матеріализмъ, становится на теоретическую почву буржуазнаго мышленія, что, въ концѣ концовъ, означаетъ ея идейное порабощеніе буржуазному радикализму. Исконнымъ стремленіемъ европейскаго буржуазнаго свободомыслія новаго времени является внесеніе „соціально этическаго“ момента въ борьбу классовъ, созданіе общности идейной почвы, облегчающей ея притупленіе. Буржуазное опошленіе реализма въ программѣ нашей „Рабочей Мысли“ привело къ обособленію идеалистическаго момента и культивированію его, какъ особой самостоятельной силы въ томъ теченіи, которое представлено въ революціонной средѣ „Рабочимъ Знаменемъ“. Революціонныя въ своемъ собственномъ сознаніи, такія теченія тѣмъ не менѣе опасны, какъ симптомъ капитуляціи соціалистовъ передъ буржуазной критикой матеріализма.*)

*) Главное зло такого обособленія идеалистическаго элемента въ соціальномъ движеніи отъ его реалистической основы мы видимъ въ томъ, что оно теоретически *узаконяетъ*, санкціонируетъ оппортюнистическое пониманіе этой реалистической основы. Исходя изъ признанія роковой неизбѣжности опошленія реальнаго движенія массъ, представители „новой струи“ думаютъ спасти его привнесеніемъ извнѣ „идеальнаго момента“.

IV.

Таковы побѣды „критики“ надъ соціалистическимъ классовымъ характеромъ нашего движенія. Каковы же вытекающія отсюда задачи нашей соціалистической интеллигенціи? Прежде всего она должна твердо стать на почву *принципіальной* борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, должна разорвать

Сначала съ помощью Бернштейна и ему подобныхъ декретируютъ неизбѣжный законъ превращенія рабочаго движенія изъ революціоннаго, преслѣдующаго идеалистическія цѣли освобожденія человѣчества, въ „реалистическое“, для котораго самое пониманіе „классъ“ является условной фикціей и котораго содержаніе ограничивается частной борьбой за частные, въ узко-буржуазномъ смыслѣ матеріальные интересы. Въ этомъ періодѣ развитія „новой струи“ не находятъ достаточно словъ восхищенія передъ мудростью такого „естественнаго хода вещей“ и якобы достигнутыхъ имъ результатовъ. (См. напримѣръ статью П. Струве о Цюрихскомъ конгрессѣ въ „Новомъ Словѣ“ 1897 года.)

Послѣ того, какъ это каррикатурное изображеніе дѣйствительнаго развитія достаточно запечатлѣется въ сознаніи читателей, къ нему подходятъ со своими собственными болѣе или менѣе революціонно-идеалистическими запросами и находятъ, что послѣдніе не могутъ быть удовлетворены этимъ естественнымъ ходомъ вещей. Тогда начинается борьба за внесеніе революціонно идеалистической струи въ это грубо-матеріальное развитіе, борьба, которая въ томъ случаѣ, когда ея герои идутъ въ бой съ чистымъ сердцемъ, представляетъ собой не болѣе, какъ новый походъ Донъ-Кихота противъ вѣтряныхъ мельницъ.

Но когда ту же „борьбу“ провозглашаютъ гг. Бердяевы, то мы имѣемъ передъ собой нѣчто большее. Здѣсь передъ нами явное пособничество тѣмъ элементамъ въ современномъ соціализмѣ, которые въ дѣйствительности, а не въ воображеніи только работаютъ надъ внесеніемъ въ рабочее движеніе безъидейности и мелкой, буржуазной „практичности“. Г. Бердяевъ „констатируетъ“ полную научную несостоятельность такъ называемыхъ Zusammenbruchs- und Verelendungstheorie, т. е. того комплекса соціологическихъ построеній, которымъ революціонная соціаль-демократія обосновываетъ свою борьбу за соціальную революцію и свою пропаганду самой идеи классовой борьбы (если въ дѣйствительности происходитъ „притупленіе“ противорѣчій между имущими и неимущими, если постепенно отдѣльныя категоріи пролетаріата переходятъ въ ряды „среднихъ классовъ“, то самое понятіе о пролетаріатѣ, какъ классѣ, теряетъ значеніе реальнаго базиса для программы соціальной борьбы). Итакъ, естественный ходъ вещей приводитъ къ превращенію рабочаго движенія въ борьбу за „желудочные интересы“. Но мы — „борцы за идеализмъ“, *дополнимъ* „односторонность“ массоваго рабочаго движенія. Мы займемся его „этизированіемъ“. Не одни только свѣтлыя и просторныя жилища надо строить для людей, надо подумать и о высокихъ, высокихъ башняхъ, упирающихся въ самое небо, откуда мы и возьмемъ свой „идеализмъ“.

Говоря попросту, это означаетъ слѣдующее: въ области земной практики мы санкціонируемъ „реалистическое“ развитіе въ сторону „копейки на рупь“. Такъ говоритъ трезвая, реалистическая наука, та самая, что, согласно г. Булгакову, не вѣдаетъ „ни знахарства, ни шарлатанства“ (эта наука, какъ мы слышали, культивируется преимущественно въ учебныхъ заведеніяхъ министерства финансовъ). А для подслащенія этой прѣсной *дѣйствительности* — „идеалистическое“ словоизверженіе, томные вздохи о безконечно-далекомъ и въ своей недостижимости прекрасномъ небѣ, смѣшныя потуги „перескочить выше себя“, вырваться изъ рамокъ классовой этики, однимъ словомъ, постройка высокой-высокой вавилонской башни, отличіе которой отъ библейской только въ томъ, что смѣшеніе

всякую идейную зависимость отъ этого общества. Выйдя изъ подполья кружковой жизни, она должна обнять умственнымъ окомъ всю картину политическихъ и соціальныхъ отношеній, всю картину духовной жизни общества и за ея битвами усмотрѣть рефлексъ борьбы классовъ. Она должна понять основной смыслъ ведущейся отовсюду войны противъ революціонной марксистской „ортодоксіи“ и, во имя реальныхъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, стать рѣшительно на сторону послѣдней. Внѣ знамени революціонной соціаль-демократіи нѣтъ плодотворной работы для дѣла пролетаріата.

Стоя на этой твердой почвѣ, соціалистическая интеллигенція должна прежде всего понять и признать важность теоретической борьбы со всѣми видами буржуазной „критики“. Горе соціалистической партіи, которая добровольно отказалась

языковъ начало постигать ея строителей еще прежде, чѣмъ они закончили съ постройкой фундамента. А что касается характера послѣдняго, то это одна иллюзія, будто онъ представитъ здоровое, свѣтлое, словомъ, достойное человѣка помѣщеніе. Приглядитесь къ нему и вы увидите, что это просто „практически“ выстроенный мѣщанскій хлѣвъ.

Гг. Бердяевъ и Струве нынче любятъ говорить объ „этизированіи“ грубо-матерьяльнаго пролетарскаго движенія. Революціонная соціаль-демократія, не вдаваясь въ глубоко-безнравственные подчасъ разговоры объ „этическомъ элементѣ“, *на дѣлѣ* работаетъ надъ этизированіемъ стихійно-выростающей классовой борьбы путемъ ея революціонизированія. Элементы этики, проводимые этимъ революціоннымъ путемъ, берутся не извнѣ, не съ неба, но изъ самой классовой борьбы, изъ самыхъ ея основъ — классовыхъ противорѣчій современнаго общества. Тотъ, кто отрицаетъ или старается затушевать классовыя противорѣчія современнаго общества, самымъ вѣрнымъ образомъ работаетъ надъ подрывомъ революціонной соціалистической этики, которую ему приходится замѣнять сотканной изъ оховъ и вздоховъ „общечеловѣческой“ этикой-товаромъ, имѣющимъ всѣ шансы стать ходкимъ на буржуазномъ рынкѣ, ибо послѣднимъ ея словомъ является требованіе видѣть въ классовомъ противникѣ „человѣка“ и любить въ немъ своего „ближняго“.

Эта обще-человѣческая, т. е. выше классовыхъ противорѣчій стоящая „этика“ естественно требуетъ и „обще-человѣческаго“, т. е. всѣмъ исторически измѣнявшимся оффиціально-признаннымъ міровоззрѣніямъ общаго метазизическаго источника — идеи сверхчувственнаго, идеи божества. Отрицанію соціальной пропасти между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ *психологически* соотвѣтствуетъ потребность въ реабилитаціи верховной идеи, общей міровоззрѣніямъ всѣхъ формъ классового господства. Является потребность санкціонировать „притупленіе противорѣчій“ въ дѣйствительности притупленіемъ противоположности въ сферѣ идеологіи (и даже форсировать первое гипнотизирующей пропагандой послѣдняго). Атеизмъ пролетарскаго движенія — это идеологическое отраженіе полнаго и всесторонняго разрыва съ устоями общества, основаннаго на эксплуатаціи — становится дѣломъ старомоднымъ, не выдерживающимъ суда „критики“. И если при пересадкѣ послѣдней на русскую почву ей приходится столкнуться съ воспитаннымъ всей русской исторіей отсутствіемъ религіозныхъ традицій въ радикальной русской интеллигенціи, то это затрудненіе не остановитъ тѣхъ, кто чувствуетъ, что совершаетъ великую историческую миссію спасенія „общечеловѣческой этики“ отъ опустошительныхъ дѣйствій классовой борьбы. „Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать.“ И гг. Бердяевы усердно выдумываютъ бога, хотя бы „видомъ малаго и не безсмертнаго“.

отъ самостоятельнаго цѣльнаго міровоззрѣнія, которая подпала вліянію критики буржуазныхъ идеологовъ и довольствуется эклектическимъ міровоззрѣніемъ, въ основѣ котораго лежатъ опошленные до вульгарныхъ общихъ мѣстъ обломки великихъ теорій. Горе русской соціаль-демократіи, если въ основѣ ея міровоззрѣнія будетъ стоять квази-марксизмъ, очищенный, исправленный и дополненный соотвѣтственно авторитетнымъ указаніямъ гг. Бернштейна, Струве, Прокоповича и многихъ иныхъ не менѣе достойныхъ! Если мы хотимъ дѣйствительно отстаивать интересы рабочаго движенія въ его цѣломъ, мы не должны отступать передъ буржуазнымъ противникомъ ни въ одной сферѣ, куда бы онъ ни направилъ свои удары. *Мы должны* послѣдовать за „критикой“, всюду, куда бы она не забралась, въ область ли метафизической этики или трансцендентальной философіи, но послѣдовать не за тѣмъ, чтобы остаться въ этихъ надзвѣздныхъ сферахъ, но чтобы совлечь съ нихъ противника и, поставивъ его на землю, разоблачить буржуазную наготу, скрытую подъ туманнымъ покровомъ.... Отстаиваніе соціалистической теоріи, развитіе ея въ духѣ основныхъ ея принциповъ — вотъ первый долгъ революціонной соціалистической интеллигенціи.

Только опираясь на эту теоретическую работу, соціалистическая интеллигенція сможетъ выполнить свою непосредственную политическую задачу-выработку боевой политической рабочей партіи, способной стать во главѣ всѣхъ борющихся съ царизмомъ элементовъ и обезпечить въ процессѣ ликвидаціи самодержавія максимумъ политическихъ завоеваній для рабочаго класса. Для этого дѣла необходима соціалистическая интеллигенція, имѣющая прочные теоретическіе устои и способная никогда не терять изъ виду великихъ общихъ задачъ движенія изъ-за преходящихъ его частностей. Какъ выразился недавно Каутскій „задачей научно образованныхъ бюргерскихъ элементовъ т. е. „интеллигентовъ“ или „академиковъ“ въ нашей партіи является развитіе и распространеніе пониманія великихъ соціальныхъ соотношеній, широкой соціалистической мысли, возвышающейся надъ мимолетнымъ интересомъ, иначе говоря, революціоннаго духа въ лучшемъ смыслѣ слова“. Дѣло соціалистической интеллигенціи, скажемъ мы, во первыхъ, влить въ наше движеніе ту объединяющую струю, безъ которой оно представляется рядомъ разрозненныхъ, разной ступени классоваго развитія соотвѣтствующихъ частныхъ движеній; во-вторыхъ — содѣйствовать выработкѣ тѣхъ формъ организаціи, которыя наилучше приспособлены къ охраненію и усиленію этой объединяющей, соціалистической, политической струи въ движеніи пролетаріата.

Для достиженія первой задачи необходимо духовное объединеніе партіи созданіемъ строго выдержанной принципіаль-

ной партійной литературы. Внѣ партійной литературы немыслимо фактическое, а не формальное только объединеніе движенія, пріобрѣтеніе имъ сознательнаго классоваго характера. Только огражденная отъ воздѣйствія случайныхъ вѣяній революціонной моды, только опираясь на незыблемые устои революціонной теоріи, партійная литература исполнитъ этотъ свой главный долгъ, конечно, поскольку будетъ тѣсно связано съ самымъ движеніемъ. Только направивъ всѣ свои усилія на постановку такой партійной политической литературы, соціалистическая интеллигенція исполнитъ свой долгъ передъ пролетаріатомъ, исполнитъ ту часть общей работы, которая лежитъ на ней, какъ на соціалистической интеллигенціи. А для того, чтобы быть въ состояніи выполнить этотъ долгъ, она должна стремиться революціонизировать свое собственное мышленіе, должна безповоротно порвать со всѣми разлагающими вліяніями буржуазной критики, должна въ основу своего соціалистическаго міровоззрѣнія положить принципъ классовой борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ.

Чтобы выполнить вторую задачу, чтобы создать для поставленнаго на такія основы движенія соотвѣтствующія ему организаціонныя формы, соціалистическая интеллигенція должна стремиться во всякую частную мѣстную работу вносить свѣтъ общихъ задачъ движенія, подчинить этимъ общимъ задачамъ всѣ виды „мѣстнаго“ дѣла, приспособить наличныя организаціи къ цѣлямъ революціоннаго воспитанія пролетаріата, во первыхъ, и выработки изъ его авангарда боевой революціонной силы во вторыхъ.

Я кончилъ. Русская интеллигенція въ наши дни не перестаетъ скорбѣть объ отсутствіи въ современной дѣйствительности великихъ героическихъ задачъ, способныхъ охватить всего человѣка. Намъ представляется, что такая героическая задача стоитъ передъ современной соціалистической интеллигенціей. Эта задача сводится къ тому, чтобы при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ для созданія дѣйствительно соціалистической рабочей партіи неуклонно бороться за выработку элементовъ такой партіи. Рядъ историческихъ условій противъ насъ въ этомъ дѣлѣ: и неразвитость классовыхъ противорѣчій, оттирающая въ сознаніи общества борьбу труда съ капиталомъ на второй планъ; и обусловленная этимъ факторомъ соціальная неразвитость пролетаріата, создающая развитію соціалистической мысли преграду въ видѣ „чисторабочаго“ движенія; и тяготѣніе надъ нами мрачнаго чудовища-абсолютизма, препятствующаго развитію и обнаруженію основныхъ классовыхъ противорѣчій, обостряющихъ и проясняющихъ соціалистическое сознаніе; и обусловленная его существованіемъ возможность для идеалистическаго радикализма втираться въ ряды рабочей партіи и увлекать за собой народныя массы соціалистической фразеологіей, за

которой скрывается достаточная доза буржуазнаго содержанія.

Всѣ эти факторы стоятъ на пути достиженія опредѣленныхъ нами задачъ. Въ борьбѣ съ ними мы можемъ опираться только на соціальный опытъ всемірнаго пролетаріата, указывающій русскому рабочему движенію его будущія перспективы и на могучую силу соціалистической теоріи, помогающей намъ возвыситься надъ рабской зависимостью отъ убожества нашихъ соціальныхъ отношеній въ данный моментъ. Но эти идеологическія опоры могутъ стать громадной реальной силой, если, пользуясь ими мы разовьемъ энергичную практическую дѣятельность, направленную на завоеваніе соціаль-демократіей роли авангарда какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ движеніи нашихъ дней.

Въ настоящій моментъ революціонная соціаль-демократія въ Россіи должна быть готова встрѣтить сопротивленіе со всѣхъ сторонъ — снизу со стороны адептовъ „чисто-рабочаго движенія“, сверху — со стороны буржуазной „критики“, съ фланговъ — со стороны подпавшихъ вліянію того или другого представителей „примирительныхъ“, эклектическихъ теченій. И всѣ нападающіе сойдутся въ признаніи ея „сектантской“. Но — „безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсни“. Великая задача — уже въ данный моментъ отстаивать классовую основу движенія какъ отъ врговъ его, такъ и отъ „друзей“, стоитъ того, чтобы начать борьбу при неодобреніи громаднаго большинства. Одушевленная сознаніемъ исторической важности борьбы за политическую гегемонію пролетаріата, какъ лучшаго оплота его будущей независимости въ борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ міромъ, соціалистическая интеллигенція въ своемъ научномъ міровоззрѣніи найдетъ опору, которая дастъ ей возможность сознательно разорвать всѣ оковы, налагаемыя идеологіей буржуазнаго общества. И тогда она не убоится зачисленія ея „всѣмъ міромъ“ въ ряды „сектантовъ“. И тогда она пойметъ всю нравственную обязанность оставаться при извѣстныхъ условіяхъ *всегда въ меньшинствѣ*.

Л. Мартовъ.